

ЖЕРЕБКИН С.В. (кандидат философских наук, доцент, кафедра философии ЦГО НАН Украины, Харьков).

ПОЧЕМУ НЕСТАБИЛЬНЫЕ ОНТОЛОГИИ ЯВЛЯЮТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ?

В статье рассматривается концепт, основные виды и принципы нестабильных онтологий, идея которых сформулирована в Эссекской школе дискурс-теории (Э. Лаклау, М. Муфф, О. Маршар, Я. Ставракакис и др.). Концепт нестабильных онтологий проанализирован на основе сравнительного анализа различных подходов к ставшей вновь актуальной онтологической проблематике (начиная с философии постструктурализма и заканчивая такими актуальными авторами как А.Бадью, Дж.Батлер, Ж.Рансьер, С. Жижек и др.). Дано определение основного критерия нестабильности онтологий в современной философии – критерия политического.

Ключевые слова: нестабильные онтологии, политическое, постструктурализм.

© Жеребкин С.В.

Жеребкин С.В. ЧОМУ НЕСТАБІЛЬНІ ОНТОЛОГІЇ Є ПОЛІТИЧНИМИ? У статті розглядаються концепт, основні види та основні принципи нестабільних онтологій, ідея яких була сформульована в Ессекській школі дискурс-теорії (Е. Лаклау, М. Муфф, О. Маршар, Я. Ставракакіс та інші.). Концепт нестабільних онтологій проаналізований на основі порівняльного аналізу різноманітних підходів до онтологічної проблематики (починаючи від постструктуралізму і закінчуючи такими сучасними авторами як А.Бадью, Дж.Батлер, Ж.Рансьєр, С. Жижек та інші.). Дано визначення основного критерію нестабільності онтологій у сучасній філософії – критерію політичного.

Ключові слова: нестабільні онтології, політичне, постструктуралізм.

Zherebkin S.V. WHY ARE UNSTABLE ONTOLOGIES POLITICAL? The article examines the concept, the main types and principles of the unstable ontologies, the idea of which was formulated within the Essex school of discourse theory (E. Laclau, S. Mouffe, O. Marchart, Y. Stavrakakis and others). The concept of the unstable ontologies has been analysed on the basis of a comparative analysis of different approaches to the ontological problematics in philosophy that has become relevant again (starting from the philosophy of poststructuralism and finishing with such relevant authors as A. Badiou, J. Butler, J. Ranciere, S. Zizek and others). A definition of the main criterion of the instability of ontologies in the contemporary philosophy was given as the criterion of the political, which is today the main one to define the contemporary philosophic discourses as philosophic.

A separate attention is given to a distinction of a philosophic choice from the ideological one. It is shown that only on condition that contemporary philosophy is understood in terms of the theory of unstable ontologies, the theory of ontological negativity, in the conditions of 'structural undecidability', at the same time, is always turning out to be a theory of decision taken within the trajectory of 1) undecidability, 2) indeterminacy and 3) contingency, we are not going to lose such differing it from any types of ideology function as the function of inventing concepts (Nietzsche, Deleuze) and – on this basis – an ability of conceptual and, thus, emancipatory (in contrast to a reactionary) recoding of reality. An ability to fix the logic of ontological negativity as a condition of impossibility of a stable meaning of any, including a philosophical, discourse, is the main political task of the theories of unstable ontologies.

Keywords: unstable ontologies, the political, poststructuralism.

Нестабильными онтологиями мы называем те, которые показывают, что основание для современного теоретизирования является «намного более амбивалентным и разносторонним». [20, viii]

Сам концепт сформулирован в рамках Эссекской школы дискурс-теории, к которой относятся не только основатели школы Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф, создавшие в 1982 году в Эссекском университете известную программу «Идеология и дискурс-анализ», но и представители следующих поколений теоретиков «школы» - Джейсон Глинос, Оливер Маршар, Алетта Норваль, Яннис Ставракакис, Лассе Томассен, Якоб Торфинг, Дэвид Хоуардт и др. Впервые концепт нестабильных онтологий введен Маршаром в статье «Отсутствие в сердце присутствия: радикальная демократия и «онтология нехватки»» в книге «Радикальная демократия: политика между избытком и нехваткой» (2005), [25] где под «нестабильными» понимаются 1) онтологии различия, 2) онтологии нехватки и 3) онтологии избытка, а основным критерием введения данного понятия - критерий политического. [23, 26-27]

В этом контексте философом, для которого философский дискурс является *политическим* за счет критерия онтологической неразрешимости, выступает Жак Деррида. Характеристикой неразрешимости Деррида наделяет и дискурс собственно политического - в форме «грядущей демократии». По этой причине Деррида оказывается методологически значим и 1) для Лаклау с его модификацией концепта онтологической неразрешимости в концепты гегемонии и антагонизма, и 2) для Маршара с его пониманием современных онтологий как политических.

Основными принципами нестабильных онтологий в современной философии, по мнению Лаклау и Муфф, являются принципы 1) радикального антиэссенциализма; 2) радикального плюрализма и 3) контингентности, [20, ix] акцентирующие контингентность, частичность и неразрешимость; и в этом контексте не только категория бытия не является ни достаточным, ни необходимым основанием, но и субъект является контингентным, незавершенным, то есть фигурой онтологической негативности.

В обращении к представителям Эссекской школы дискурс-теории мы хотим подчеркнуть формулировку Лаклау и Муфф, что хотя 20 век в философии начался с «иллюзии основания», но на определенном этапе эта «иллюзия» исчезла. «Именно это случилось, - как считают Лаклау и Муфф, - в аналитической философии с работами позднего Витгенштейна, в феноменологии - с экзистенциальной аналитикой Хайдеггера и в структурализме - с постструктуралистской критикой знака». [20, xi] Маршар напоминает, что сам термин онтологии как *metaphysica generalis*, как *prima philosophia* среди других метафизических дисциплин данного периода (таких как космология, психология и теология) появляется лишь в начале 17-го века благодаря Христиану Вольфу. Однако, начиная с Декарта, онтология как дисциплина замещается эпистемологией, а Беркли и Кант осуществляют поворот к вопросу об условиях понимания бытия (кантовские «Критики») [5] вместо вопроса о бытии. Только в 20-м веке можно наблюдать тот подготовленный Гегелем, Шеллингом и Ницше поворот, который можно назвать возвращением к онтологии и который связан с именем Хайдеггера. В то же время это «возвращение» фиксирует категорию бытия как «призрачную»; поэтому Хайдеггера и Деррида Маршар называет теоретиками призракологии как онтологии различия. [23, 19]

Родольфо Гаше в сборнике «Лаклау: критическое прочтение» (2004) артикулирует, что 1) «философское понятие основания включает в себя понятие не-основания»; [16, 30] 2) основание в современной философии возможно только в форме *апоретического* [выделено мной. – С. Ж.]; 3) основание определяется через дерридианское понятие неразрешимости, которое, по мнению Гаше, и «открывает пространство собственно философского». [16, 30] В результате онтологическая негативность, понятая в терминах дерридианской неразрешимости, призвана не дать состояться акту онтической позитивизации основания; поэтому в «Предисловии ко второму изданию» книги «Гегемония и социалистическая стратегия» Лаклау и Муфф считают важным определить

онтологию, в отличие от первого издания книги в 1985 году, через критерий не столько контингентности, сколько *отсутствия* основания. [20, xii] Они даже удивлены тем, что «большинство из того, что случилось с момента первого издания, произошло именно так, как мы и предсказывали, и вопросы, находившиеся в центре наших интересов тогда, сейчас приобрели еще большую значимость». [20, vii]

Именно Деррида, как известно, дает определение философии как «*негативности без утайки*» [курсив мой. – С. Ж.], [3, 410] смысл которой состоит в том, что «радикальная негативность не позволяет говорить о каком-либо сплетении со смыслом». Этот «абсолютный разрыв», сравниваемый Деррида с «безработной негативностью» Жоржа Батая, как раз и состоит в абсолютном «разрыве с рабством смысла». [3, 435] Деррида не раз подчеркивал, что идеей деконструкции обязан Хайдеггеру: «у меня даже есть амбициозное предположение [...], что среди внимательных читателей Хайдеггера [...] я занимаю такую позицию, которая позволяет в максимальной степени избежать однозначности». [4, 69] И действительно, что такое бытие в трактовке Хайдеггера? Это такая неуместная избыточность новых смыслов «забытого бытия», обнаруживаемых Хайдеггером в философском дискурсе вновь и вновь, которая не может быть редуцирована ни к одной из партикулярностей онтического как сущего. Однако Хайдеггер вновь и вновь совершает в отношении читателей его текстов ту операцию дара, который всегда асимметричен, всегда «в одном пробеге *двойного движения*», [1, 52] взламывая любую явленность, в то же время оказывается условием явленности, одаривая нас против нашей воли смыслами, которые добровольно нам не хотелось бы иметь.

Отсюда дерридианский тезис, что только отсутствующее основание способно обеспечить философию «бессмыслицей суверенной операции», [1, 428] поскольку «нарушает все спайки сымитированного дискурса». [1, 412] Элен Сиксу в интервью с Мирей Калле-Грубер подтверждает, что знаменитая дерридианская неразрешимость как «бессмыслица суверенной операции» была действительно свойственна Деррида в его стратегиях письма и жизни. Ведь только на первый взгляд кажется, что *J.D.*, как она называет Деррида (известно, что они были близкими друзьями на протяжении всей жизни Деррида; именно ему она рискнула дать прочитать то, что посчитала возможным назвать «своим первым текстом»), хочет «обладать», «быть всем», то есть обладать множеством мест, голосов, идентичностей. Однако, говорит Сиксу, Деррида никогда не является «обладающим» - потому, что «никогда не знает», что он пишет. [11, 83]

Джорджо Агамбен также подчеркивает, что философские концепты, чтобы быть пригодными для нового использования, возникают исключительно в ситуации *разлома мышления*. [8, 166 – 180] Славой Жижек, как известно, именно в этом контексте называет Канта и Гегеля философами параллакса, [6, 40; 7] а Гегеля – первым постмарксистом. У Канта в «Антропологии», в частности, в ключевом различии между негативным и неопределенным суждением Жижек обнаруживает парадоксальное понятие «нечеловеческого», вводящее различие, согласно которому суждение «он не человек» – это не то же самое, что «он – не-человек», при котором тот факт, что субъект определяется как «не-человек», означает не то, что он просто внеположен по отношению к человеческому, животному или божественному, а нечто иное – тот факт, что он не является ни человеком, ни не человеком, а отмечен каким-то избытком, который, несмотря на отрицание того, что считается человеческим, неразрывно связан с тем, что значит не быть человеком. [6, 29] «И, возможно, - предполагает Жижек, - нужно отважиться выдвинуть гипотезу, что кантовская революция привела как раз к этому изменению: в докантовской вселенной люди были просто людьми, разумными существами, борющимися с избытком животных влечений и божественного безумия, тогда как только с Кантом и немецким идеализмом избыток, с которым велась борьба, стал абсолютно имманентным, ядром самой субъективности (именно поэтому в немецком идеализме метафорой основной сути субъективности стала ночь, «мировая ночь», в отличие от просвещенческого понятия света разума, борющегося с окружающей тьмой)».

[6, 29] В этом контексте диалектический метод Гегеля, по мнению Жижека, необходимо понимать не в контексте представлений об утрате изначального единства и итогового возврата к нему на более высоком уровне, а совершенно иначе – как преимущества внутреннего антагонизма, как признание имманентности параллакса в нестабильных онтологиях.

К теоретикам нестабильных онтологий относится, по мнению Тондера и Томасена, и Жиль Делёз, [27, 6] названный Аленом Бадью «восторженным мыслителем *путаницы* мира»: [1, 18] ведь именно «Делёз предлагает различать между теми, для которых смысл должен открываться в каком либо истоке (не важно божественным или антропологическим) и теми, для кого сам исток является неким видом нонсенса». [1, 158] Но если «исток» философии является нонсенс, то возникает то искомое Делёзом «желание множественного», то «существование миров», которые никогда не имеют и не могут иметь «общего правила». [1, 17 – 18]

Вместо основания Делёз вводит в современную философию «кочевой номос временных актуализаций», когда вопреки притязаниям репрезентативной философии «поиск истины» у Делёза заменяется «логикой смысла», по мнению Бадью, тесно связанной с практиками «власти лжи». [1, 78] Во-первых, это не практики суждения, а повествования (поэтому Бадью говорит о «прозе Делёза»), которые, с одной стороны, всегда являются фальсифицированными, с другой, - именно из-за модуса фальсификации «разрушают иерархическое соотношение образца и его имитации». [1, 79] Во-вторых, «власть лжи» у Делёза обеспечивает эффект, когда «актуализация потенциального всегда создает расходящиеся линии вне подобия». [1, 149]

Отсюда у Делёза и Деррида, как у теоретиков отсутствующего основания, особая роль *апории* в философском дискурсе: ведь еще со времен Платона апория является «пропуском к истине как абсолютной неразрешимости». [1, 80]

Одним из теоретиков нестабильных онтологий является Джудит Батлер, уже в своей первой книге «Субъекты желания: гегельянские рефлексии во Франции в 20-м столетии» (1987), определяющая философию Гегеля через концепт желания, а само желание как понятие, базированное на *изъятом основании*: ведь желание определяется ею через потерю желания (например, изъятого гомосексуального желания в мире «гетеросексуальной принудительности»). Лаклау также считает, что у Гегеля «идентичность никогда не является позитивной и закрытой в себе, но конституируется как переход, отношение, различие». [19, 95] В результате Батлер перформирует как 1) апоретическую «логику дара» Деррида, так и 2) «двойное утверждение» Делёза, не позволяя тем самым состояться простому отказному жесту, неизбежно возвращающему нас к бинарно организованной философской понятийности. Поэтому вместо того, чтобы позиционировать себя в рамках дискурса философии, Батлер подчеркивает, что она пишет не «философию», но «философски». [9] В этом смысле Батлер – вслед за Деррида, Делёзом, Фуко, Лаканом, а также феминистскими теоретиками - считает, что *аффект* включен в философскую понятийность. Отсюда её известный тезис о «мышлении в терминах тела»: ведь жить, по мнению Батлер, - это всегда жить в ситуации ненадежности, хрупкости (в отличие от концептов «ненадежности» или «хрупкости»), то есть таких свойства тел, которые не могут мыслиться 1) вне их конечности и 2) вне зависимости от того, что является для них внешним. [10, 1 – 32] Поэтому мы всегда связаны с другими, причем не только посредством сети аффективных связей продуктивного желания, как считал Делёз, но также и посредством различных нежелаемых аффектов, зависимостей и соседств, которые вполне могут иметь амбивалентные психические последствия, включающие связи агрессии и желания, изучаемые, в частности, Мелани Кляйн. И если «я» сформировано через аффект пассионарной привязанности, то почему, спрашивает Батлер, мы настаиваем на той нейтральности философского мышления, которую Деррида называл «тиранией смысла»?

По критерию «радикального отсутствия основания» противопоставляются 1) эссенциалистские и 2) антиэссенциалистские онтологии. [18, 196; 2, 91] Если эссенциалистские базируются на понятой рационально логике интересов и рационального выбора, то антиэссенциалистские, в частности, онтология гегемонии Лаклау и Муфф, определяются через отсутствие референции в перформативных практиках смещения значения. Для того, чтобы подчеркнуть отсутствие основания в антиэссенциалистских онтологиях, Норваль обращается к языковым тропам и грамматике Витгенштейна; Вильям Коннолли - к культивированию опыта контингентности и экспериментальному отделению концепта «я» от концепта идентичности; Джэймс Талли – к «практикам свободы» вместо «теорий справедливости» Ролза (поскольку любые «теории справедливости» базируются, по мнению Талли, на кожевианско-гегелевской борьбе за признание). Поэтому отнюдь неслучайно Лаклау и Муфф во втором издании к «Гегемонии и социалистической стратегии» называют Деррида и Лакана в качестве методологов постмарксистской дискурс-теории. Не говоря о непосредственных контактах с Деррида (в 1993 году в Международном философском колледже в Париже состоялся симпозиум под руководством Муфф, в котором приняли участие Лаклау, Деррида, Рорти и Кричли), [14] Деррида и Лаклау прямо сравниваются Томом Льюисом по критерию «дисциплинации», которой они оба подвергают онтологию. [21, 147]

Что обычно признается рациональными основаниями в эссенциалистских онтологиях? Это полезность как принцип рационального выбора, теории общественного договора, теории коммуникативного действия и др.; именно эссенциалистские онтологии являются основой для современных делиберативных теорий демократии. В то время как в антиэссенциалистских нестабильных онтологиях именно «радикальное отсутствие основания» становится «отправной точкой» не только перформативных актов мышления, но и тесно связанного с ними политического действия. [18, 192] По определению Муфф, нестабильные онтологии указывают на пределы объективности, на «страсти и аффекты» как измерение онтологии: иначе мы, по мнению Муфф, не сможем говорить о нестабильных онтологиях, существующих «без опоры на некие незыблемые основы». [18, 193]

И хотя представители так называемого «лакановского подхода» в Эссекской школе дискурс-теории Глинос и Ставракакис в интервью с Лаклау в 2010 году упрекают его и Муфф как раз в недостатке аффективного измерения в онтологии (по их мнению, у них преобладает «сигнификативное» измерение), однако Лаклау считает, что уже в «Гегемонии и социалистической стратегии» аффект понимается не как нечто внешнее по отношению к сигнификации, но как ее внутренний компонент, так как аффект может конституировать себя только на основе сверхдетерминации цепи означающих. [24, 235]

Что обеспечивает то «теоретическое вторжение» Лаклау и Муфф, которое они называют более адекватным по отношению к современным реалиям, нежели тот интеллектуальный аппарат, который сопровождает сегодняшние «рассуждения о политической субъективности, о демократии и об основных направлениях и последствиях глобализированной экономики»? [20, viii] При ответе на этот вопрос они обращаются к гуссерлевскому различию между седиментацией и реактивацией: только реактивация в ситуации фундаментального отсутствия основания должна показать не видимость, но «непредвиденность [курсив мой. – С. Ж.] синтеза», фактически, обеспечить ту непредвиденность двойного утверждения, которая не позволяет состояться дерридианскому «рабству смысла» и вместо классической онтологии обеспечить, например, онтологическую негативность делёзовского «кочевого номоса». Как пишут Лаклау и Муфф, «от Витгенштейна мы знаем, что нет такой вещи как «приложение правила» – пример приложения сам становится правилом». [20, ix]

Обращение к Витгенштейну как одному из методологов постмарксизма вызвало критику со стороны классических теоретиков марксизма – обвинение Терри Иглтоном

Деррида в том, что в «Призраках Маркса» он перформирует «марксизм без марксизма», [15, 83-87] относится и к философии Лаклау.

Однако с обвинениями в отсутствии политического измерения в нестабильных онтологиях не согласен Маршар. Для него, как уже сказано, критерием нестабильных онтологий как одновременно онтологии нехватки, онтологии избытка и онтологии различия оказывается также и критерий онтического политического: ведь из одной и той же онтологии возможны разные политические следствия. [23, 27] По его мнению, «онтологии избытка», когда феномен позитивности или сверхизбыточности бытия заявлен как онтологически первичный по отношению к феномену нехватки, могут иметь катастрофические последствия, если превращаются в «вульгарный делёзианизм» или «вульгарный негримз»; и та, и другая модификации, по мнению Маршара, чреваты фашизмом или террором. [23, 28] «Онтологии нехватки», в свою очередь, следствием могут иметь онтологический нигилизм. Отсюда тезис, который Маршар определяет в перспективе, называемой им «постфундационализмом»: [22, 2] нестабильные онтологии и демократическая теория должны делать ставку на делёзовскую двойную артикуляцию вне альтернативы присутствие–отсутствие, не позволяя достичь ни полного присутствия (тотальности), ни полного отсутствия (радикальной нехватки). [2, 26] Этот тезис Маршар разделяет с Тондером и Томассеном, интенция которых состояла в переопределении того, что они называют онтологическим воображаемым избытка и онтологическим воображаемым нехватки. [27, 2] Оба этих воображаемых соответствуют постмарксистской идее нестабильных онтологий нехватки, избытка и различия одновременно. Однако для всех авторов открытым остается вопрос об особенностях постмарксистского философского анализа в рамках современных нестабильных онтологий. Например, должен ли он начинаться с уровня сигнификации или с сети материальных воплощений? Или какими должны быть базированные на теории нестабильных онтологий политические практики – практиками гегемонистских констелляций (онтологии нехватки) или никогда не прекращающимися практиками плюрализации (онтологии избытка)? Тем не менее Тондер и Томассен согласны с Лаклау и Муфф в главном - нестабильные онтологии должны базироваться на 1) дислокации любых идентичностей и признавать различие между тем, что они есть и что они не есть, 2) на дерридианском проекте незавершаемости демократии как политической практики «грядущей демократии» и 3) теории гегемонии.

Теорию гегемонии Лаклау и Муфф интерпретируют не как 1) теорию доминанции или 2) грамшианской «гегемонной борьбы», а как теорию онтологической лакановской *point de capiton*, нодальной, узловой точки, обеспечивающей всегда контингентный и не подлежащий позитивизации лакановский финальный шов (*suture*) партикулярного элемента с «универсальной структуризацией в пределах определенного дискурсивного поля». [20, xi] В результате Лаклау и Муфф обнаруживают следующий «гегемонистский парадокс»: состояние гегемонии определяется несоизмеримостью партикулярного и универсального в ситуации, когда «партикулярность берет на себя функцию представительства универсальности, радикально несоизмеримой с партикулярностью. [20, ix] В таком случае гегемония как дискурс и практика является дискурсом и практиками метонимии; Делёз называл такой тип репрезентации парадоксом «ложного претендента». «Гегемонистский парадокс» обуславливает то нарушение «спайки» *смысла*, свойственное также и философии Канта, Гегеля, Делёза, Лакана или Деррида: ведь измерение несоизмеримости в понятии гегемонии обнаруживает мир «без опоры на некие незыблемые основы». В то же время только «гегемонистское» мышление и «гегемонистское» действие оказываются действительно «парадоксальными» и поэтому продуктивными: ведь более глубокие, «гегемонистские» уровни контингентности требуют таких же непредсказуемых гегемонистских артикуляций, которые являются еще одним способом сказать, что момент реактивации, в отличие от момента седиментации, есть ни что иное, как акт возвращения к основанию, обнаруживающему свой исток только в собственном отсутствии.

Поэтому Лаклау и Муфф предлагают рассматривать гегемонию как «измерение структурной неразрешимости» и теорию решения, принимаемого в траектории 1) неразрешимости, 2) непредсказуемости и 3) контингентности: говорить «о гегемонистских трансформациях» можно только в том случае, если учитывать, что они зависят от контингентных артикуляций, существующих в форме делёзианской «двойной артикуляции». [20, xii] В результате, например, отнюдь не «классовый интерес», в отличие от дискурса классического марксизма, является предшествующим практикам двойного утверждения, но именно практика двойного утверждения ретроактивно создаёт те «интересы», которые требуют собственной репрезентации. В этом смысле измерение политического Лаклау и Муфф понимают как измерение непредсказуемости и автономизации, которое в условиях постфордистского капитализма более очевидно, чем во времена Грамши.

Вместо отношений договора гегемония как универсальность возникает как результат специфической диалектики 1) логики различия и 2) логики эквивалентности. [20, 127] Это диалектика, посредством которой определенная партикулярность, не прекращая оставаться таковой (логика различия), принимает форму репрезентации полностью несоизмеримой с этой партикулярностью универсальности, в то же время преодолевая в цепи эквивалентности пределы своей партикулярности (логика эквивалентности). В результате одновременности функционирования логики различия и логики эквивалентности гегемония у Лаклау и Муфф оказывается «нестабильной универсальностью»: во-первых, она существует в непреодолимом напряжении между универсальным и партикулярным и, во-вторых, её функция универсальности постоянно пересматривается.

Как уточняет Фред Даллмар, понятие антагонизма Лаклау и Муфф также используют с целью указания на внутренний предел любого порядка, воспринимаемого в качестве данного: [13, 48] ведь логика антагонизма характеризует логику «само-опровергаемого идеала», когда момент реализации антагонизма всегда совпадает с его распадом и процессом формирования очередной неразрешимости - по аналогии с «объектом а» в логике трансцендентального означающего Лакана. Логике антагонизма соответствует логика высказывания как *double bind*, как послания двух высказываний одновременно.

«Негативность – это, конечно, не новое явление» в философской традиции в целом, замечает Ставракакис; [26, 185] соответственно логика *негативности* означает логическую способность мыслить разрыв (называемый по-разному: Деррида - различием, Жижеком – параллаксом, Делёзом – дизъюнктивным синтезом и т. п.) между символической реальностью субъекта и всегда ускользающим реальным, которое мы пытаемся описать или репрезентировать (пытаемся овладеть им, уточняет Ставракакис), но которое всегда является отторгаемым остатком или невозможным присутствием по ту сторону мыслимого или описываемого. В то же время Ставракакис считает мышление в терминах нестабильных онтологий возможностью современной *теоретической рефлексии*, а не отказом от нее. [26, 186]

В отказе от теоретической рефлексии Ставракакис обвиняет дискурсы, называемые им утопическими, суть которых состоит «в страхе встречи с негативностью» и стремлением обрести какой-либо другой, неизбежно позитивный порядок, «уничтожающий негативность раз и навсегда». [26, 188] По мнению Ставракакиса, измерение утопического свойственно, несмотря на её «параллакдность», философской логике Жижека или, несмотря на онтологическую «множественность матемы», логике Бадью: ведь оба они совершают, по мнению Ставракакиса, отказной жест, чреватый нарушением «логики двойственного» потому, что в обоих случаях имеет место «героическая попытка реконституировать позитивность» только как одну сторону реальности *double binde*. В случае Жижека, считает Ставракакис, это утопизм артикуляции анти-капитализма как бинарной оппозиции капитализму, в случае Бадью - утопизм

«подлинной этики» как слишком простая (поскольку чревата *квази-религиозной риторикой*) бинарная оппозиция по отношению к «морализму» традиционного гуманизма. [26, 195] Ставракакис ссылается на мнение Дианы Кул, что «негативности нельзя давать позитивных коннотаций», так как «назвать негативность означало бы разрушить ее: ведь «сделать негативность позитивной означает потерпеть неудачу в момент кажущегося успеха». [12, 51]

Умение фиксировать логику *double bind* как условие невозможности стабильного значения любого, в том числе философского дискурса, и есть основная *политическая задача* теоретиков нестабильных онтологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Делёз. «Шум бытия». – М.: «Прагматика культуры», «Логос-Альтера», 2004. – 184 с.
2. Глинос Д. Радикальный демократический этос, или что такое подлинное политическое действие? // Логос. – № 4-5 (39), 2003. – С. 82 - 104.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академич. проект, 2000. – 495 с.
4. Деррида Ж. Маркс и сыновья. – М.: «Логос-Альтера», «Ессе homo», 2006. – 100 с.
5. Рансьер Ж. Злоключения универсального // 2-я Московская биеннале http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/ranciere_doklad1/
6. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008 – 512 с.
7. Жижек С. Философия начинается с Канта и заканчивается Гегелем. Интервью со Славоем Жижекком для журнала «Логос». Москва, 6 марта 2007 // Логос. – М.: 1 (58), 2007. – С. 3-13.
8. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. – Stanford: Stanford University Press, 1998. – 199 p.
9. Antigone's Claim: A Conversation with Judith Butler. Pierpaolo Antonello and Roberto Farneti http://www.academia.edu/217727/Antigones_claim_A_conversation_with_Judith_Butler
10. Butler J. Frames of War: When Is Life Grievable? – London&New York: 2009. – 193 p. Cixous H., Calle-Guber M. Hélène Cixous Rootprints. Memory and Life Writing. – London and New York: Routledge, 1997. – 254 p.
11. Coole D. Negativity and Politics: Dionysus and Dialectics from Kant to Poststructuralism. – London, New York: Routledge, 2000. – 288 p.
12. Dallmayr F. Laclau and Hegemony. Some (post)Hegelian Caveats // Laclau: a Critical Reader, eds. by Simon Critchley and Oliver Marchart. – London and New York: Routledge, 2004. – P. 35 – 53.
13. Deconstruction and Pragmatism. [Simon Critchley](#), [Jacques Derrida](#), [Ernesto Laclau](#), [Richard Rorty](#). Ed. By Chantal Mouffe. – London, New York: Routledge, 1996. – 103 p.
14. Eagleton T. Marxism without Marxism // Ghostly Demarcations. A Symposium on Jacques Derrida's Specters of Marx. Introduced by Michael Sprinker. – London, New York: Verso, 1999. – P. 83 – 87.
15. Gashe R. How Empty can Empty Be? // Laclau: a Critical Reader, eds. by Simon Critchley and Oliver Marchart. – London and New York: Routledge, 2004. – P. 17 – 34.
16. Ghostly Demarcations. A Symposium on Jacques Derrida's Specters of Marx. Introduced by M. Sprinker. – London, N.Y.: Verso, 1999. – 278 p.
17. Glinos J. Radical Democratic Ethos, or, What is an Authentic Political Act // Contemporary Political Theory. – vol.2, 2003. – P. 187 – 208.
18. Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. – London and New York : Verso, 1990. – 285 p.
19. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Toward a Radical Democratic Politics. – New York: Verso, 2001. – 198 p.

20. Lewis T. The Politics of 'Hauntology' in Derrida's Specters of Marx" // Ghostly Demarcations. A Symposium on Jacques Derrida's Specters of Marx. Introduced by Michael Sprinker. – London, New York: Verso, 1999. – P. 134 – 167.
21. Marchart O. Post-foundational Political Thought: Political Difference in Nancy, Badiou and Laclau. – Edinburgh University Press, 2007. – 198 p.
22. Marshart O. The Absence in the Heart of Presence: Radical Democracy and the 'ontology of lack' // Radical Democracy: Politics between Abundance and Lack. Tønder L., Thomassen L. eds. – Manchester: Manchester University Press, 2005. – p. 17 – 31.
23. Politics and the Unconscious. An interview with Ernesto Laclau. Jason Glynos and Yannis Stavrakakis // Subjectivity. – 2010. – vol. 3. – P. 231 - 244.
24. Radical Democracy: Politics between Abundance and lack. Tønder L., Thomassen L. eds. – Manchester University Press, 2005. – 288 p.
25. Stavrakakis Y. Negativity and Democratic Politics: Radical Democracy beyond Reoccupation and Conformism // Radical Democracy: Politics between Abundance and Lack. Tønder L., Thomassen L. eds. – Manchester: Manchester University Press, 2005. – P. 185 – 202.
26. Tønder L., Thomassen L. Introduction // Radical Democracy: Politics between Abundance and Lack. Tønder L., Thomassen L. eds. – Manchester: Manchester University Press, 2005. – P. 1 – 13.